
Н. А. СМЕРНОВА

ВТОРАЯ РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЮЖНУЮ АМЕРИКУ 1914—1915 гг., ЕЕ МАТЕРИАЛЫ И КОЛЛЕКЦИИ

В 1965 году исполнилось 50 лет со дня окончания второй русской научной экспедиции в Южную Америку (апрель 1914 — октябрь 1915 гг.), внесшей существенный вклад в южноамериканскую этнографию.

Целью ее, как и первой, состоявшейся в начале прошлого столетия (1821—1828 гг.) под руководством академика Г. И. Лангсдорфа¹, было изучение отсталых и наименее исследованных индейских племен, местной флоры и фауны, а также сбор этнографических и естественно-исторических коллекций.

В первое тридцатилетие XX в. коренное население Южной Америки, по признанию самих американских ученых, оставалось еще наименее исследованным из всех народов земного шара². В связи с этим трудно переоценить значение данной научно подготовленной экспедиции и собранных ею материалов и коллекций.

Инициаторами и участниками экспедиции были 5 членов биологического кружка при Институте имени П. Ф. Лесгафта в Петрограде — молодые исследователи разных специальностей: этнографы-филологи — Г. Г. Манисер и Ф. А. Фиельструп, прошедшие этнографическую подготовку у Л. Я. Штернберга, два биолога-зоолога И. Д. Стрельников и Н. П. Танасийчук, и С. В. Гейман — экономист.

В организации экспедиции принимали участие Петроградские Академические музеи — Антропологии и Этнографии (Л. Я. Штернберг и В. В. Радлов) и Зоологический, Русское антропологическое о-во при Петроградском Университете (Ф. К. Волков и О. О. Баклунд), Антропологический отдел Московского об-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (Д. Н. Анучин) и частные лица. Однако, несмотря на большой интерес к предполагавшейся экспедиции, материальная база ее была незначительна.

Осуществлению и успеху экспедиции способствовали связи с южноамериканскими учеными — Хуаном Амбросетти³, Р. Леманом-Нитше, А. Гальярдо, С. Лафоне-Кеведо, Г. Иерингом, К. Е. Портером, Максом Улэ и другими, оказавшими значительную помощь путешественникам. Немаловажное значение имело и содействие местных властей, учреждений, отдельных представителей разных слоев населения и большая поддержка русских дипломатических представителей (П. В. Максимова

¹ Г. Г. Манисер, Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, М., 1948.

² J. H. Steward and L. C. Faron, Native peoples of South America, New York 1959 (Предисловие).

³ С. А. Штернберг, Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук, Сб. МАЭ, т. VII, 1928, стр. 48—49; Б. В. Лукин, Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами, «Сов. этнография», 1965, № 4, стр. 129—137.

и др.). Информация в местной печати и доклады путешественников о задачах и работе экспедиции привлекали внимание общественности.

Рассчитанное на 7—8 месяцев путешествие затянулось на полтора года из-за первой мировой войны. Эта вынужденная задержка дала возможность расширить круг исследований. Путешественники объездили Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай, Боливию, Чили и Огненную Землю, а Фиельструп совершил еще морское путешествие на фрегате «Президент Сармьенто» вокруг Южной Америки и частично Северной.

В Бразилии Манизер, Фиельструп и в начале путешествия Гейман изучали индейцев кадиуэо и терено штата Мато-Гроссо, шавантов фая близ города Акидауаны и каингангов штата Сат-Пауло на посту «Вилла каинганг». Попутно Манизер обследовал группу индейцев гуарани — каюа в селении Арариба, штат Мато-Гроссо, а Стрельников и Танасийчук исследовали другую группу — кааива (ава-мбиха) на реке Мондай в Парагвае.

Манизер полгода провел среди ботокудов в штатах Эспириту-Санту и Минас-Жерайс.

Гейман, избравший самостоятельный маршрут, занимался изучением арауканов (мапуче) Чили — в Темуко и его окрестностях, в Кепи, Колико-Черегуэ и Кариини в Кордильерах, а также в районе озер Калуфкен и Пангипульи; чилотов на о-ве Чилоэ и алакалуфов в проливе Месье. В аргентинской части Огненной земли близ Ушуаи и в Рио-Гранде он познакомился с жизнью и бытом индейцев она.

Индейцы Гран-Чако изучались Гейманом не в местах их постоянного обитания, а на плантациях в районе Ледесма-Жужуй, во время сезонных работ: чороти (с р. Пилькомайо) в лоте⁴ Флоренция, тоба (с верховьев Пилькомайо) в Сан-Лоренсо; матако (с р. Бермехо) в лоте Паулино и чиригуано (с верховьев рек Пилькомайо и Рио-Гранде)⁵.

Исследования проводились путешественниками как стационарно, так и во время кратковременных посещений селений индейцев путем личных наблюдений и непосредственных бесед. Исключением были каинганги, не знавшие другого языка, кроме своего, что создавало большие трудности для изучавшего их Манизера.

Возникавшие в процессе общения дружеские контакты с индейцами облегчали полевые исследования и сбор коллекций. Другими источниками служили беседы с местными учеными и изучение коллекций в музеях.

Материалы экспедиции в основном хранятся в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. Это — личные фонды Г. Г. Манизера, Ф. А. Фиельструпа и С. В. Геймана. Они состоят из путевых дневников, записей полевых наблюдений у индейских племен и окружающего белого населения, словарей индейских языков и фольклорных записей, различных заметок общего и частного порядка, описей коллекций, рукописей опубликованных и неопубликованных работ, тезисов и текстов докладов и лекций об экспедиции и ее материалах, переписки, а также иллюстративных материалов — зарисовок, карт и фотографий.

Большой и разнообразный этнографический, лингвистический, фольклорный и антропологический материал архива характеризует изучавшиеся индейские племена, жизнь и быт местного белого населения, южноамериканских городов и т. д. Материалы частично опубликованы самими

⁴ Лоте (по-испански «лоте» — земельный участок) — употребляется Гейманом в смысле — плантация.

⁵ Маршрут Геймана установлен нами по его путевым дневникам во время работы над архивом в августе-сентябре 1963 г. Архив ИЭ АН СССР (Ленинград), фонд Геймана К-1, оп. 2, № 411.

путешественниками, а также в статьях нескольких советских исследователей⁶.

Помимо этих известных материалов⁷, нами обнаружен небольшой ранее неизвестный архив Музея антропологии МГУ (XI, № 58), состоящий из послеэкспедиционных писем Фиельструпа (февраль — май 1916 г.) из Петрограда к директору Музея, профессору Д. Н. Анучину и заметки Фиельструпа с данными о пребывании Манизера у каингангов и ботокудов, а также докладах последнего об этих племенах в Антропологическом обществе.

Письма в основном касаются этнографических коллекций, собранных по поручению Д. Н. Анучина для Музея антропологии Московского Университета, их документации и отдельных этапов путешествия как самого Фиельструпа, так и двух других его участников — Манизера и Геймана.

Наибольший интерес в них представляют данные, свидетельствующие о живейшем участии Д. Н. Анучина в подготовке экспедиции и освещении ее в русской печати. В 1915 и 1916 гг. в журнале «Землеведение» были опубликованы без подписи две заметки «Русские путешественники в Южной Америке»⁸. Письмо Фиельструпа к Д. Н. Анучину от 20/III—1916 года (XI, № 58—2) позволило нам установить, что автором этих заметок был Д. Н. Анучин.

Кроме того, в архиве хранятся составленные собирателями научные описи этнографических коллекций, поступивших в Музей антропологии: по ботокудам и каингангам — Манизера, по шавантам фая, кадиуэо и терено — Фиельструпа, и по гуарани кааива Стрельникова, а также зарисовки предметов, орнаментов и карта расселения кадиуэо, терено и шавантов, составленная Фиельструпом. Любопытны образцы орнамента ботокудов для раскраски лица и тела, сделанные на бумаге самими индейцами (кренаками).

Естественно-исторические материалы экспедиции и коллекции находятся в Архиве Академии наук, в Зоологическом музее и музее Ботанического сада в Ленинграде; обзор их не входит в задачу данной статьи⁹.

В рамках небольшой статьи невозможно хотя бы кратко осветить весь архив экспедиции. Поскольку материалы по ботокудам¹⁰, каинган-

⁶ W. Bogoras, Le centième anniversaire des Expéditions Russes à l'Amérique du Sud, «Atti del XXII. Congresso Internazionale degli Americanisti, (1926)», vol. II, Roma, 1928; Г. Г. Манизер, Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию, М., 1948 (Введение Н. Г. Шпринцин, стр. 11—13. Об экспедиции в Южную Америку в 1914—15 гг.); Б. В. Лукин, К пятидесятилетию русской научной экспедиции в Латинскую Америку, «Вестник АН СССР», 1964, № 6, стр. 107—109; Б. Н. Комиссаров и Б. В. Лукин, Русские ученые в Южной Америке, «Природа», 1965, № 1, стр. 105—107; его же, К вопросу об истории русских исследований в Латинской Америке (50 лет экспедиции 1914—1915 гг.), «Изв. Всесоюзного географического общества», 1965, т. 97, стр. 70—75 (с картой).

⁷ Материалы архива Ин-та этнографии АН СССР (Ленинград) в известной мере освещены в статье Н. Г. Шпринцин, Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР и Институте этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 187—194.

⁸ «Русские путешественники в Южной Америке», «Землеведение», Под ред. Д. Н. Анучина, М., 1915, кн. I—II, стр. 63—64, (1-ая заметка); «Русские путешественники в Южной Америке», там же, 1916, кн. III—IV, стр. 197—199 (2-ая заметка).

⁹ Насколько нам известно, эти материалы в какой-то степени опубликованы И. Д. Стрельниковым, в частности, в указанных ниже работах, в упомянутой выше 2-й заметке Д. Н. Анучина и немного подробнее в вышедшей в этом году статье сына Н. П. Танасийчука — В. Н. Танасийчук, Русские студенты в Южной Америке, «Наука и жизнь», 1966, № 1, стр. 114—125.

¹⁰ Г. Г. Манизер, Ботокуды (борун) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г., «Ежегодник Русского Антропологического общества при Петроградском Университете», т. VI, 1916, стр. 83—130, илл.; Н. Н. Mанизер, Les Botokudos

гам¹¹, гуарани кааива¹², шавантам¹³ и отчасти общему описанию путешествия¹⁴ опубликованы, мы их касаться не будем и ограничимся кратким обзором наиболее ценной неопубликованной части архива и этнографических коллекций.

Несмотря на полувековую давность, многое из неопубликованного не утратило научного значения. Весьма ценны лингвистические материалы и этнографические очерки о кадиувео и терено. За исключением кратких сведений в общих работах литература о них на русском языке отсутствует и полевые наблюдения путешественников являются единственным отечественным материалом. Несомненный интерес представляет и архив С. В. Геймана, подготавливаемый нами к публикации.

Антропологический материал экспедиции, характеризующий физический тип изучавшихся индейских племен (частично опубликованный в указанных выше работах) также заслуживает внимания. Хотя антропометрических измерений и не производилось, но дается визуальное описание общего хабитуса и отдельных основных описательных признаков.

В характеристике типа ботокудов (кстати наиболее полной) самое существенное, отмеченное Манизером. — некоторое сходство их с палеоазиатами и сравнение с японцами. Подчеркивается монголоидность, заметная, как пишет автор, и для непредубежденных наблюдателей («японец тоже индеец» — замечание одного неграмотного парагвайца с Мато-Гроссо). Указывается на случаи волнисто-курчавых волос и на большой размах вариаций антропологических признаков как у ботокудов, так и у каингангов, фая, терено, гуарани и кадиувео. Интересны замечания Геймана о толстых губах у алакалуфов и бросающейся в глаза монголоидности у она (о наибольшем сходстве их с монголами-бурятами).

У арауканов Гейман отмечает различие между тремя группами (см. выше маршрут): Кордильерскими арауканами — «...лучше сохранивших чистоту своей крови..», Центрального Чили и арауканами, встречающимися на юге и в прибрежных местах, которые, по мнению исследователя, приближаются по своей малорослости, подвижности и внешнему облику к чилотам. По-видимому, это — наиболее древний тип, сохранившийся у южных арауканов. Территориально он наблюдался в прибрежных областях, начиная немного севернее о-ва Чилоэ и далее на юг в островной части. Насколько известно, описаний физического типа чилотов в литературе почти не встречается, поэтому характеристика их, данная Гейманом, — малый рост, скуластость, широкий рот, сходство с японцами, пополняет скудный фактический материал.

При описании индейцев Чако-тоба, матако и чороти Гейман ограничивается одним, видимо наиболее поразившим его у данного народа признаком: — «тучность» у тоба, «...легкая растительность на лице у муж-

(Boruns) d'après les observations recueillies pendant un séjour chez eux en 1915, «Archivos do Museo Nacional do Rio de Janeiro», vol. XXII, 1919, стр. 241—273.

¹¹ Г. Г. Манизер, Каинганги. «Ежегодник Русского Антропологического Общества при Петроградском Университете», т. VI, 1917; H. H. Manizer, Les Kaingange de Sao Paulo. Proceedings of the XXIII, International Congress of Americanists, (1928), New York, 1930, стр. 760—791, илл.

¹² И. Д. Стрельников, Религиозные представления индейцев гуарани бассейна р. Верхней Параны (Парагвай и Бразилия). Сб. МАЭ, т. IX, 1930, стр. 293—339; илл.; его же, Les Kaa-iwua du Paraguay, «Atti del XXII Congresso Internazionale des li Americanisti, (1926)», vol. II, Roma, 1928, стр. 333—336; его же, La música y la danza de las tribus indias Kaa-iwua (gaurani), Kaingang y Botocudo, «Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists (1928)», New York, 1930, стр. 796—802.

¹³ Н. Г. Шпринцин, Шаванты (Из материалов русской экспедиции в Южную Америку в 1914—1915 гг.) «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XVII, 1952, стр. 47—55, илл.

¹⁴ Г. Г. Манизер, Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг., «Природа», Пг., 1917 г., май-июнь, стр. 619—659, илл.

чин...» — матако, а о чороти — «..народец отличающийся крепким телосложением... Девушки отлично сложены...». Чиригуано выделяются им, как наиболее характерные представители американского типа¹⁵.

Таким образом, антропологические материалы подчеркивают наличие в той или иной мере монголоидности как одного из существенных элементов антропологического типа индейцев, прослеживаемого путешественниками на огромной территории от Бразилии до Огненной Земли. Участники экспедиции отметили это еще до появления работы А. Хрдлички¹⁶. Приведенные данные говорят о большей близости американских индейцев к азиатским монголоидам, нежели к европеоидам и негроидам. Однако материалы показывают наличие больших вариаций в пределах одного типа, что неоднократно отмечалось многими исследователями.

В общем наблюдения исследователей совпадают с принятым в литературе представлением об антропологическом типе этих племен и служат лишним аргументом в пользу разделяемой большинством ученых концепции о заселении Америки через Берингов пролив.

Определенный интерес представляет неопубликованный лингвистический материал экспедиции, содержащий словари языков семи индейских племен, принадлежащих к разным языковым группам, тексты сказок и песенок с нотами¹⁷, рукописи Манизера «Опыт объективно-лингвистического исследования по языкам некоторых бразильских племен»¹⁸ и «Материалы по языкам 4-х племен Бразилии (чанэ, кадиувео, каинганг, ботокудо)»¹⁹, а также его отдельные лингвистические заметки.

Лингвистические материалы в основном собраны Манизером, получившим специальную теоретическую и практическую подготовку у А. И. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы.

Словари составлены Манизером, Фиельструпом и Гейманом. Словарь ботокудов содержит 723 карточки, португальско-ботокудский — около 1.200 слов (40 листов), каингангов — 25 листов, чанэ — 338 карточек и кадиувео — 300 карточек (Манизер), терено — 4 листа и кадиувео (по Боджани) — 5 листов (Фиельструп), она — 76 слов и алакалуфов — 211 слов (Гейман).

Методы записи слов и текстов индейских языков, изменявшиеся в процессе полевой работы, изложены Манизером в указанных рукописях. Метод заполнения ранее заготовленных на португальском языке слов и фраз был заменен, дававшим, по мнению Манизера, лучшие результаты, методом записи со слуха, «стенографированием» слов, фраз и выражений, услышанных со стороны, с последующим тщательным уточнением.

В основу транскрипции был положен алфавит Международной фонетической ассоциации, дополненный знаками, предложенными Л. В. Щербой в 1913 г. С помощью этой транскрипции Манизер записал тексты, фразы и слова, вошедшие потом в словари.

При составлении словарей Манизер пользовался методом «аналитического изучения языков» американской школы Ф. Боаса.

¹⁵ Антропологические материалы Геймана см. Архив ИЭ, фонд Геймана, К-1, оп. 2, №№ 128, 129.

¹⁶ A. Hrdlička, Origin and antiquity of American Indian, «Ann. rep. Smiths. Inst.», 1923.

¹⁷ Г. Г. Манизер, Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (1. Кадиувео. 2. Терено. 3. Файя. 4. Каинганг. 5. Гуарани. 6. Ботокудо), «Сборник МАЭ», т. V, вып. 1, 1918, стр. 319—358, илл. (Здесь же опубликованы песенки с нотами: стр. 337—345); его же, Música e instrumentos de música de algunos tribus do Brasil. (Os cadiuveos. Terenos, Faias. Caingangs. Guarany. Botocudos) «Revista Brasileira de Musica», vol. I, Rio de Janeiro, 1934, стр. 303—327.

¹⁸ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, № 417, 28 л.

¹⁹ Там же, № 419, 52 л.

Словари построены по сэмам²⁰, расположенным по единой схеме номинальным (имена собственные, животных, растений), глагольным, чисел (счет и числительные), частей тела, атрибутов (величины, схожести, интенсивности), принадлежности и личные (с глаголом), сомнительного значения и союзов, и др. Ботокудско-португальский и португальско-ботокудский расположены по алфавиту Международной фонетической ассоциации. Они занесены на карточки, кроме словарей каингангов, и португальско-ботокудского, записанных Манизером на листах.

Карточка и запись на листе содержат слово, отдельные выражения, фразы и словообразовательный материал на языке племени в указанной транскрипции и перевод на португальский и иногда на русский языки.

Особую ценность представляют записи, самые большие по объему, сделанные Манизером у ботокудов (борунов) в Панкас, в штате Эспириту-Санту (группы: минья-жирун, гуть-краки, нак-рэхэ, нак-нануки) от бывшего вождя нак-рэхов Жеронимо, хорошо знавшего португальский, и у кренаков, наиболее самобытной группы, жившей на северном берегу реки Мутум, в штате Минас-Жерайс. Записи сделаны «исключительно стенографированием» речи, так как никто из кренаков не знал португальского²¹. Сравнение лингвистических материалов, полученных от перечисленных разнородных групп ботокудов, выявило, что у них при общности языка имеются лишь незначительные различия в диалектах между отдельными группами. Это отмечалось в дальнейшем и чешским ученым Ч. Лоукоткой.

Значительное место занимает в записях Манизера фольклор. Уникальными являются «Тексты из Панкас компадре Жеронимо»²² — подлинники записей 14 сказок²³ и песенок с нотами. Тексты на ботокудском и португальском, а некоторые и на русском языках.

Сказки посвящены животным, птицам, насекомым, происхождению их специфических особенностей, признаков, их характеристикам и т. д., что так типично для индейского фольклора. Последняя 14-ая сказка «О мертвеце» раскрывает ту большую роль, которую он играл в мировоззрении ботокудов.

Манизер отмечает, что сказки ботокудов стали частью бразильского фольклора.

В отдельных заметках о языке ботокудов есть материалы по фонетике, характеризующие звуковой состав ботокудского языка, приводятся примеры звуко сочетаний и слов, морфологические данные о структуре этого языка, термины родства и др.

Попытку обобщения, систематизации и теоретического осмысления собранного лингвистического материала представляет собой незаконченная работа Манизера «Опыт объективно-лингвистического исследования по языкам некоторых бразильских племен» и «Материалы по языкам 4-х племен Бразилии», составляющая вторую часть этой работы.

²⁰ Сэма — мельчайшая единица смысла (содержания, значения). В понимании Манизера «сэма есть единица речи (иногда просто оттенок звука — отдельная фонема), связанная условно с одной определенной подробностью действительности». Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, № 419, л. 5.

²¹ Материалы по языку ботокудов в известной мере освещены в статье советского исследователя Н. Г. Шпринцин, Из материалов по языку ботокудов, «Вопросы языкознания», М., 1961, № 6, стр. 101—107.

²² Н. Г. Шпринцин отмечает в указанной выше статье (стр. 102), что тексты на ботокудском языке не публиковались. Сказка № 3 «Об урубубу, летучей мыши и колибри» опубликована ею на стр. 106.

²³ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, № 420, 39 л.

Следует еще упомянуть про материалы Манизера о языке (язык классов и областей) и фольклоре необразильцев, содержащиеся в докладе, сделанном в романо-германском кружке 10 февраля 1916 года в Петроградском университете²⁴.

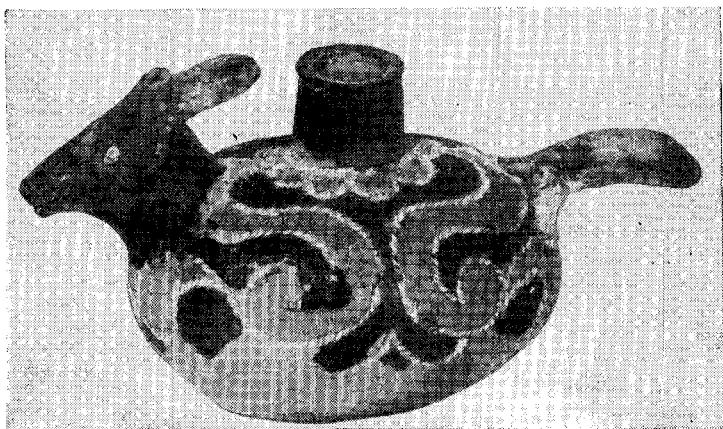

Рис. 1. Глиняный сосуд в виде животного, украшен вдавленным шнуровым орнаментом, заполненным белой и частично раскрашенной черной краской; глаза из белых бисерин; кадиувео, Мато-Гросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94, № 26

Лингвистические материалы других участников экспедиции представлены необработанными словарями языка кадиувео (по Г. Боджани) и языка терено с терминами родства, составленными Фиельструпом²⁵, а также словарями языков она и алакалуфов, которые принадлежат Гейману; так как они составлены не специалистом лингвистом и не обработаны, они не имеют существенного научного значения²⁶.

Обобщенные в очерки полевые наблюдения Фиельструпа²⁷ и отчасти Манизера²⁸ у кадиувео и терено неопубликованы. В совокупности с антропологическими, лингвистическими и фольклорными материалами, а также этнографическими коллекциями, они разносторонне раскрывают самобытные культуры и положение кадиувео и терено в 1914—1915 гг.

Зарубежная литература о кадиувео и терено немногочисленна. Из них кадиувео изучены больше. Ими занимались Г. Боджани, А. В. Фрич, а за последнее время А. Метро, К. Оберг, Дарси Рибейро и др. Американский ученый К. Оберг изучал эти же группы в 1946—47 гг., спустя 30 лет после Фиельструпа и Манизера²⁹.

Объектом изучения была горстка кадиувео, остаток некогда многочисленного воинственного народа Чако мбайя-гуайкуру, поселенная в начале XX в. в резервации в южной части Мато-Гроссо (Бразилия) и жившая в трех селениях — Налике, Тарума и Морринхо. Эта группа, по

²⁴ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, № 415, 28 л.

²⁵ Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-1, оп. 2, № 121 (2-ая записная книжка).

²⁶ Архив ИЭ, фонд Геймана, К-1, оп. 2, №№ 129, 411.

²⁷ Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-V, оп. 1, №№ 119, 120, 123.

²⁸ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1.

²⁹ K. Oberg, *The Terena and the Cadiuveo of Southern Mato Grosso, Brazil*. Wash., 1949.

словам исследователей, была наименее метисирована в отличие от остальных кадиуео.

Так как отдельные группы кадиуео работали на постройке железнодорожной ветки в Порто-Коимбра и соседних с ними фазендах необразильцев, путешественникам было трудно установить их численность.

Материалы двухмесячного повседневного наблюдения и общения дают разностороннюю характеристику кадиуео. Отличительная особенность селений кадиуео — отсутствие стен в их жилищах, построенных в

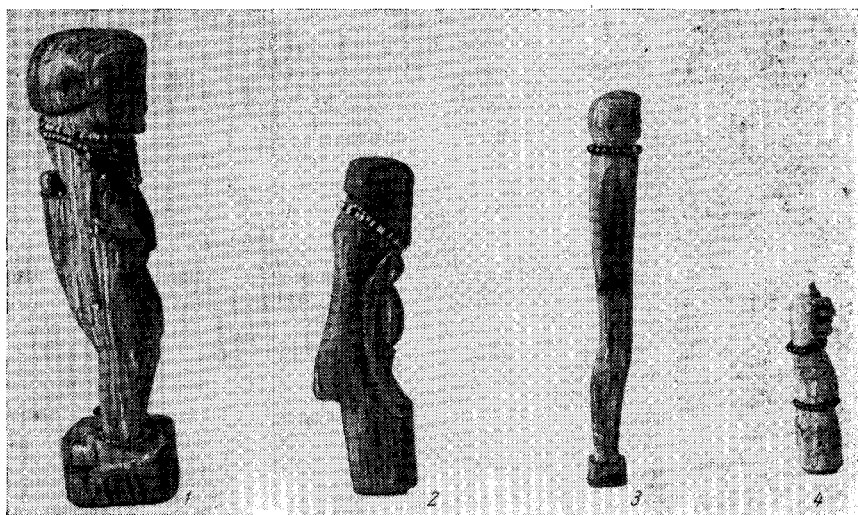

Рис. 2. Деревянные резные человеческие фигурки; кадиуео, Мато-Гросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94; 1 — женщина с ребенком № 78, 2 — № 9, 3 — № 17, 4 — № 95

форме двускатных навесов, обращенных фасадами один к другому и расположенных в одну линию, позволила Фиельструпу, Манизеру и Гейману³⁰, находясь на одном конце селения Налике, свободно наблюдать за жизнью всех его обитателей.

Очерки о кадиуео содержат данные исторического порядка, характеристику взаимоотношений кадиуео с окружающим индейским населением и белыми пришельцами в разные времена, название и самоназвание³¹, физико-географическое описание территории, облика селений и жилищ, хозяйства, занятий, разделения труда, образа жизни, нравов и обычаев, утвари и т. д. (в таком порядке материал расположен у авторов).

Сведения о социальном устройстве весьма скудны. Они ограничиваются отдельными высказываниями исследователей, свидетельствующими о социальном расслоении и довольно высоком уровне общественного развития, достигнутом кадиуео к моменту конкисты: «Кадиуео социально делятся на три класса: аристократию, воинов и рабов; совет старейшин. Низший класс делится на пленных рабов и на добровольных служащих племени гуана»³². На протяжении веков в столкновениях

³⁰ С. В. Гейман пробыл у кадиуео 10 дней и собрал за это время большую этнографическую коллекцию.

³¹ Фиельstrup пишет, что название гуайкуру на языке гуарани мало употребительно на месте, мбайя — на месте совсем неизвестно, сами же кадиуео называют себя эжигуажеги (Ejiguagegi) (Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-V, оп. 1, № 120, л. 4).

³² Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-V, оп. 1, № 119, л. 9.

с соседями победителями были обычно кадиувео — пленные становились рабами. Рабство носило патриархальный характер. Фиельструп и Манизер упоминают о сохранившемся еще и при них рабовладении и положении женщин-рабынь у кадиувео.

Немногочисленные материалы, касающиеся и других сторон социальных отношений. Исследователи отмечают непрочность брачных связей, добрачную половую жизнь девушек и их ранние браки (лет в 14), матрилокальность брака. Описываются похоронные обряды, рассказывается о воспитании детей и о праздниках, связанных с жизненным циклом ребенка. Для кадиувео характерно наличие нескольких имен — католического и ряда своих: после смерти каждого родственника имя менялось, это объяснялось страхом перед душой умершего.

Что касается религиозных представлений, то у кадиувео в основном сохранялась вера в духов, населяющих природу. Значительное место занимают материалы о широко распространенном шаманстве, сосуществующем у них с христианством.

Отмечается двойственность отношения к шаманам — с одной стороны, они пользуются большим влиянием и авторитетом даже у соседнего белого населения, с другой — их не любят, боятся, так как, кроме умения вылечить, шаман «...обладает силой наслать пагубу на человека».

Среди фольклорных записей имеется любопытное предание о первом гуайкуру, о назначении гуайкуру быть охотником, а терено — земледельцем и др.

Привлекает внимание сообщение как Манизера, так и Фиельструпа о существовании особого «женского» языка у кадиувео. Но составить о нем представление, хотя бы в основных чертах, пишет Манизер, оказалось невозможным за такой короткий срок³³. Фиельструп указывает на сильное различие в языке женщин и мужчин, причем последние нередко не понимают отдельных слов. «Слова женской речи [то] в самом корне отличны от мужских, то только в суффик-

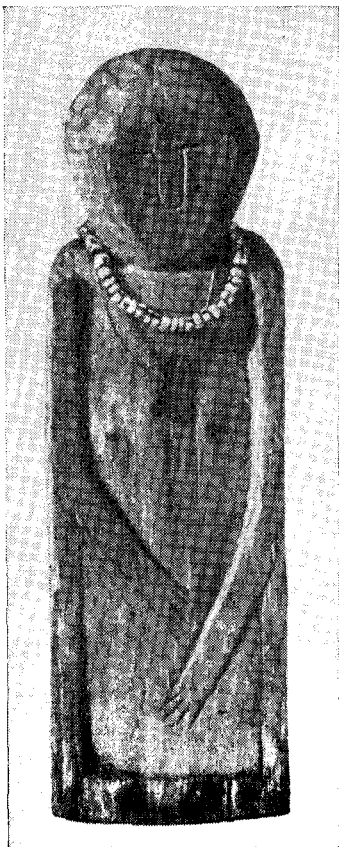

Рис. 3. Деревянная резная женская фигура, с ожерельем из бисера; кадиувео, Матогросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94, № 79

сах»³⁴. Из наблюдений исследователей вытекает, что кадиувео к 1914 г. все же сохранили ряд черт своей самобытной культуры, хотя они и находились в длительном контакте с бразильцами и под постоянным наблюдением «Службы защиты индейцев». Это, несомненно, оказало влияние на все стороны их жизни, и по образу жизни они мало отличались уже от беднейших слоев соседнего «белого» сельского населения. Однако основой их хозяйства в резервации с достаточно хорошими природными условиями, продолжала оставаться охота, несмотря на то, что они

³³ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, заметка о кадиувео.

³⁴ Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-V, оп. 1, № 119, л. 8.

были знакомы с земледелием и скотоводством, которые являлись основой хозяйства окружающего их необразительского населения. Некоторые группы кадиувео были заняты на отхожих работах.

Другое племя — терено (лингвистическая группа араваков) изучалось в главном их селении Бананаль — земледельческой колонии (резервация), около железнодорожной станции Висконде — де Тонэй. Часть же терено составляла главный контингент рабочих в скотопромышленных и

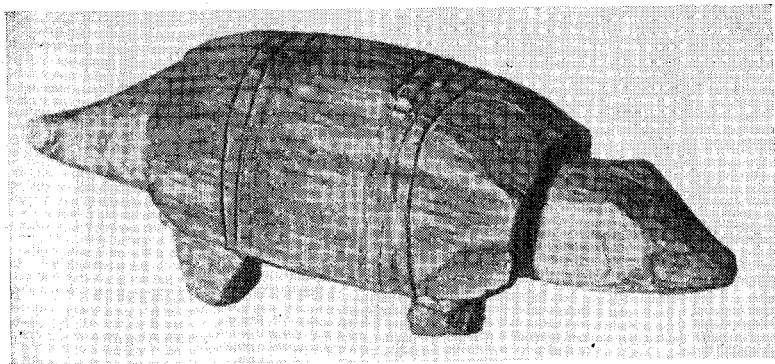

Рис. 4. Фигурка броненосца, вырезанная из дерева; кадиувео, Мато-Гросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94, № 20

земледельческих имениях южного Мато-Гросо. Вместе с ними там работали немногочисленные киникинао, лайоно и гуана.

Результаты недельного пребывания у них отражены в неполном, но ценном очерке Фиельструпа, содержащем интересные данные о культуре, быте и фольклоре терено, и в небольшой заметке Манизера.

Материал в очерке расположен примерно по той же схеме, что и в работе о кадиувео: историческая часть — переселение из Чако и получение земли там, где теперь находится Бананаль; вид селения и жилищ, имеющих не только стены, но даже окна и двери; занятия; утварь (керамика сходная по форме с кадиувео, но с другим орнаментом).

Внешний облик и общий уровень терено мало отличался от окружающего населения, но вместе с тем они сохранили и ряд самобытных черт: свой язык, хотя знали и португальский, институт шаманства, обычай оттачивать зубы и некоторые другие черты. В семейно-брачных отношениях у них наблюдались еще случаи многоженства и матрилокального брака. Относительно социальных отношений сведений почти нет.

Имеются данные о погребальных обрядах, представлениях о болезни и смерти, загробном мире и о сохранившемся еще к тому времени любопытном обычае «крещения» вещей, связанном с анимистическими представлениями терено.

Несмотря на то, что терено были христианизованы еще в XVIII в., у них продолжало существовать шаманство, сходное с шаманством кадиувео.

Исследователи приводят разносторонние сведения о шаманах (мужчинах и женщинах): отмечают наследование призвания шамана, описывают посвящение в сан, костюм. Рассказывают о вере терено в способность шаманов сноситься с душами умерших, воздействовать на них путем своего могущества и оберегать от них живых, возвращать похищенные ими души и пр.

Материалы экспедиции наглядно показывают, что шаманство и деятельность шаманов были еще широко распространены. Оно сохраняло свое значение в жизни индейских племен как у христианизованных (кадиувео, терено и др.), сосуществуя с христианством и приспособив ряд католических обрядов к своей деятельности (например гуарани каюа), так и у избежавших принятия христианства (в частности группа гуарани кааива).

В очерке Фиельструпа имеется и фольклорный материал. Это — записи предания о происхождении терено, которые якобы вышли из-под земли и умели в то время разговаривать с животными, а также предания о получении ими огня от куэльо³⁵, укравшего его для них у народа то-кэро и др.

Очерки о кадиувео и терено довольно разносторонне характеризуют положение этих племен ко времени знакомства с ними путешественников. В прошлом на протяжении столетий у этих племен сложились своеобразные отношения. Прimitивные земледельцы Чако — оседлые терено — находились в длительном контакте и известном подчинении у своих воинственных соседей — охотников мбайя гуайкуру. Ежегодно мбайя взимали часть урожая с подчиненных им селений терено и принуждали их к выполнению различных работ. В свою очередь они защищали терено от нападений соседних племен. С другой стороны, у них существовали и родственные отношения в результате браков между вождями племени мбайя и женщинами терено из семей вождей. Такие взаимосвязи не могли не сказаться на культуре обоих племен, воспринявших ряд черт друг от друга.

Однако различие в основе культур этих племен сыграло свою роль в их последующей судьбе. Ассимиляция с культурой окружающего необразительского населения шла у них различными путями. Кадиувео с их специализированной культурой, основанной на охоте и войне, с трудом приспособлялись к новым условиям. Из некогда могущественных победителей, собирателей «дани» они превратились в обитателей резервации, в основном занимаясь охотой или иногда сезонной работой.

Терено же целиком перешли к земледелию — основному занятию местных необразильцев, кроме групп, занятых на отхожих работах. Участие терено в общей экономической жизни способствовало более легкому приспособлению их к новым условиям и к восприятию культуры белых. Они обогнали кадиувео в усвоении новых форм жизни, хотя и позже переселились на левый берег Парагвая³⁶.

Самостоятельный этап путешествия освещают материалы архива пятого участника экспедиции С. В. Геймана, необработанные самим автором и впервые используемые нами³⁷. Они состоят из путевых дневников, многочисленных писем, главным образом рекомендательных, мелких заметок и описей, а также собранных им этнографических коллекций.

Страницы дневников, описывающих путешествие по Уругваю, Парагваю, Чили и Аргентине, помимо разнообразного общего материала, рисующего яркую картину жизни этих стран начала XX в. и периода первой мировой войны, содержат и этнографические наблюдения у ряда индейских племен.

Материалы дневников Геймана по араукамам Чили, огнеземельцам и племенам Чако — чороти, тоба, матако и чиригуано — результаты не-

³⁵ «Куэльо — коричневое бесхвостое животное из рода кроликов с длинными ушами». Архив ИЭ, К-V, оп. 1, № 123, стр. 3.

³⁶ Архив ИЭ, фонд Фиельструпа, К-1, оп. 2, № 120.

³⁷ Архив ИЭ, фонд Геймана, К-1, оп. 2, №№ 411, 126, 129.

посредственных, но кратковременных полевых наблюдений, распросов и личных бесед с индейцами, сведений, полученных от местных знатоков индейской культуры, и изучения этнографических коллекций местных музеев.

Они разносторонне с той или иной полнотой рисуют жизнь и обычаи этих племен, знакомят с их своеобразной культурой, мировоззрением и религиозными представлениями, еще бытующими или ушедшими в прошлое. Не внося существенно нового в уже известное из исследований зарубежных ученых того периода, его материалы пополняют немногочисленные источники, имеющиеся на русском языке, в особенности, собранные русскими путешественниками (Н. И. Альбовым и А. С. Иониным).

Интересуясь самобытной культурой индейцев вообще, Гейман одновременно уделяет большое внимание их современному положению, что особенно ценно. Он описывает жизнь в резервациях, жестокую эксплуатацию на плантациях (индейцы Чако) и в эстансиях (арауканы, она), ужасающие условия жизни, продолжающееся вытеснение с последних искони принадлежащих им земель (арауканы), их полное бесправие и постепенное вымирание, а то и неприкрытое их истребление (огнеземельцы, индейцы Чако). Его описания — живые странички жизни и трагической судьбы коренного населения Южной Америки.

Весьма любопытны материалы и по интересовавшему Геймана вопросу о славянских колониях, быту русских колонистов, о колонии «Ново-Израиль» в Уругвае, жизни иммигрантской интеллигенции и отдельных ее представителей — выходцев из разных стран, разбросанных на обширной территории Южной Америки, а также характеристики бесконечного потока людей, встреченных им на его пути.

Этнографические коллекции экспедиции хранятся в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, в Музее антропологии Московского Государственного университета и в двух южно-американских музеях — Музее этнографии при Буэнос-Айресском университете (по ботокудам и кадиувео) и в Национальном музее в Рио-де-Жанейро (по ботокудам). Таким образом, вторая русская экспедиция сделала свой вклад и в этнографические собрания музеев Аргентины и Бразилии.

Коллекции МАЭ и МА МГУ (см. список в конце) подробно описаны собирателями, часто с расширенными этнографическими аннотациями, названиями на языке племени и характеристиками индейских племен, что увеличивает их научное значение.

Не введенные до сих пор в научный оборот (за исключением опубликованных материалов по шавантам, каингангам, гуарани-кааива и орнаменту кадиувео)³⁸ коллекции носят комплексный характер и дают представление о своеобразных уходящих культурах или их отдельных элементах столь различных индейских племен начала XX в.

Наиболее полные и разносторонние собрания по кадиувео, ботокудам, арауканам. Самое малочисленное по терено.

Коллекции состоят из орудий труда, оружия, принадлежностей охоты и рыболовства, прядения и ткачества; разнообразной утвари, керамики (кадиувео, каинганги, намбиквара); плетеных изделий; образцов растительных материалов, красок и др.; различного вида одежды — от поясков из лыка — ботокудов и каингангов, до пончо арауканов; обуви и головных уборов; всевозможных украшений; принадлежностей для раскраски лица и тела (кренаки, кадиувео); музыкальных инструментов; детских игрушек; деревянной скульптуры (кадиувео); шаманских принадлежностей; амулетов; образцов пищи и т. д.

³⁸ Э. В. Зиберт, Разрисовка тела у индейцев племени кадиувео (Бразилия), «Сб. МАЭ», т. XVI, 1955, стр. 370—384, илл.

Из анализа коллекций видно, что в начале XX в. эти племена в разной степени сохранили самобытность своей культуры.

Материальная культура изучавшихся групп ботокудов, шавантов, каингангов, гуарани-кааива и огнеземельцев продолжала в значительной степени базироваться на использовании материалов из окружающей природы.

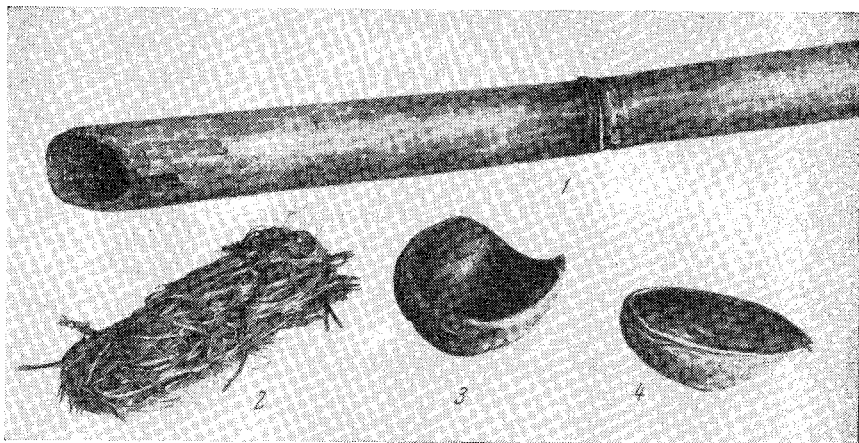

Рис 5. Утварь; ботокуды, Минас-Жераис, Бразилия; МА, МГУ, кол. 98; 1 — сосуд для воды из ствола бамбука № 16, 2 — мочало из волокон листьев пальмы карагуаты для добывания меда из дупла № 1, 3 — чашка из скорлупы плода № 17, 4 — чашка из скорлупы ореха сапукайя № 18

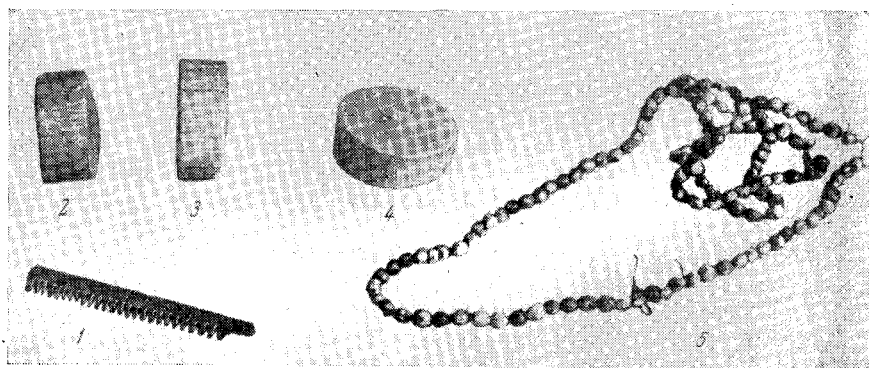

Рис. 6. Украшения; ботокуды, Минас-Жераис, Бразилия; МА МГУ, кол. 98; 1 — маленький деревянный гребешок № 23, 2, 3 — ботоки (втулки) ушные мужские № 19, 20, 4 — боток женский губной № 30, 5 — ожерелье из семян Lagrimas da Nossa Senhora, растения, называемого бразильцами — слезы богородицы» № 2

Иную картину дают коллекции кадиуэо — самые многочисленные и разнообразные. Свидетельствуя о более высоком уровне развития самобытной культуры, они одновременно показывают значительное проникновение городского материала (бисера, бус, жестянок, фабричных тканей и др.), вытесняющего предметы их культуры, что указывает на постоянный контакт с белыми.

Помимо наглядного представления о культурах индейцев Южной Америки, коллекции знакомят с уровнем развития техники, хозяйства и

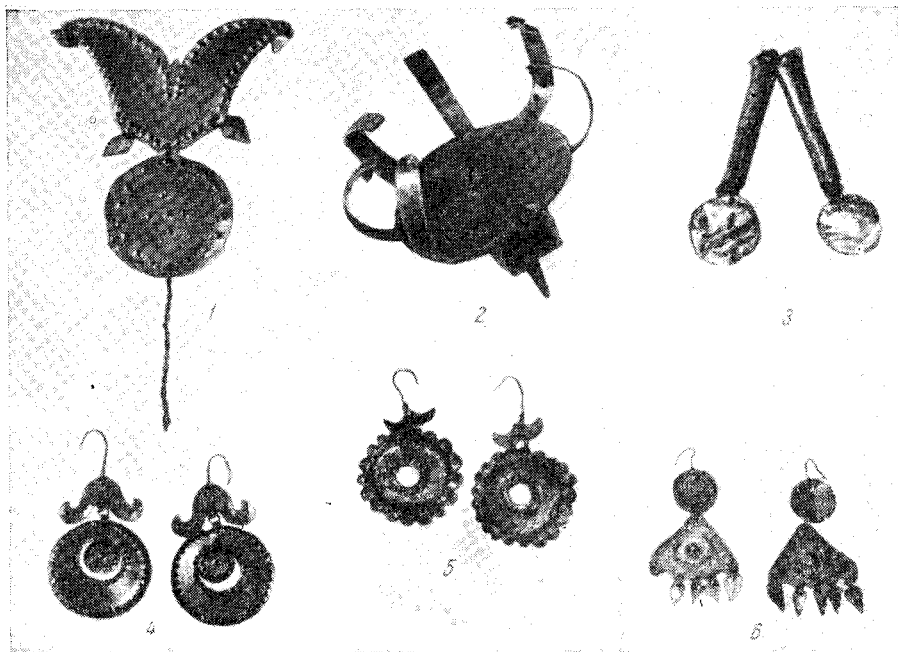

Рис. 7. Женские украшения из битой жести, многие с выбитым точечным орнаментом; кадиувео, Мато-Гросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94; 1 — булавка для прически № 45, 2 — головное украшение № 57, 3 — головные подвески на красной тесьме № 47^а^б, 4—6 — серьги №№ 52^а^б, 53^а^б, 54^а^б

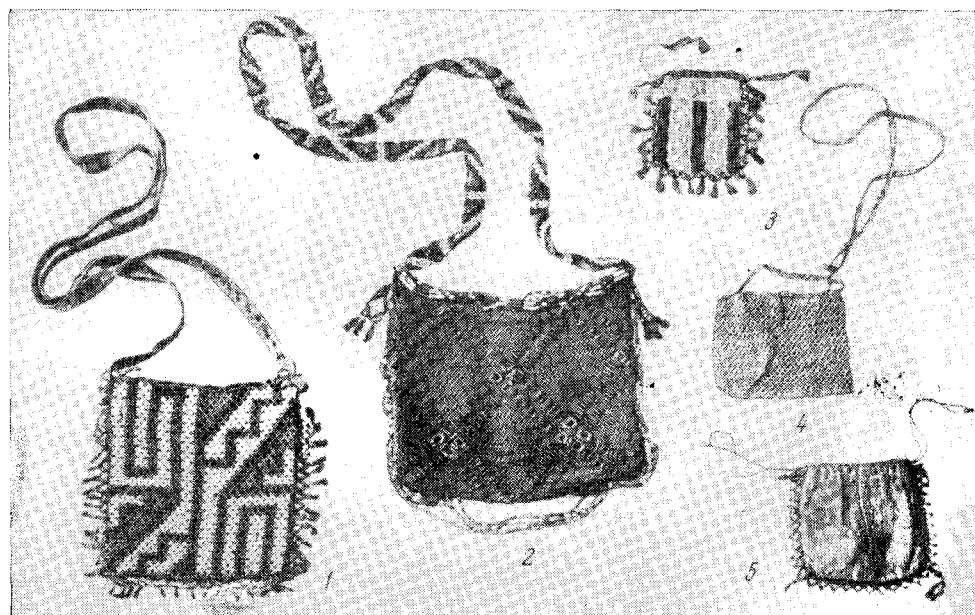

Рис. 8. Сумки — карманы; кадиувео, Мато-Гросо, Бразилия; МА МГУ, кол. 94; 1 — плоская из бисера (голубой, белый, желтый) с типичным для кадиувео геометрическим ступенчатым орнаментом на длинной тесьме № 73, 2 — из шнурков карагуагы, расшитая голубым и красным бисером на длинной бисерной петле № 74, 3 — кармашек из красного ситца с белыми кружевами и двусторонней вздержкой № 91, 4 — из нитей карагуаты на длинной петле № 129, 5 — из розовой материи, покрытой кружевами и с бахромой из бисера № 127

культуры столь разнородных племен и свидетельствуют о их различных связях с окружающим белым населением.

Эти коллекции пополняют вообще немногочисленные собрания по данным племенам, а для Советского Союза являются уникальными.

Итак, несмотря на крайне ограниченные денежные средства и трудности самого путешествия, чуть не стоившего жизни двум его участникам (Манизеру и Фиельструпу во время крушения лодки на Парагвае), благодаря энтузиазму и беспредельной преданности науке молодых исследователей, были собраны ценные материалы. Наличие антропологических, лингвистических и фольклорных материалов наряду с этнографическими — свидетельство комплексности изучения, понимания необходимости координации ряда наук в процессе исследования.

Материалы экспедиции наглядно показывают, как складываются судьбы индейских племен в условиях колониализма. Они раскрывают причины и историю вымирания целых народов, в частности ботокудов, которые, как пишет Манизер³⁹, в течение четырех веков пытались отстоять свою независимость, а в результате почти исчезли с лица земли.

Известный интерес представляют и данные исследователей о жизни латиноамериканских стран начала XX в. и периода первой мировой войны, в частности по проблеме формирования наций и национальных культур, занимавшей Г. Г. Манизера⁴⁰.

Публикация ряда архивных материалов, особенно лингвистических, очерков о кадиувео и терено, части архива Геймана и некоторых других материалов с соответствующими комментариями, а также этнографических коллекций была бы существенным вкладом в этнографию Южной Америки, необходимым дополнением к ранее изданным по экспедиции работам и заслуженной данью признания энтузиастам исследователям.

Список коллекций

Ботокуды — МАЭ, № 2535, 110 номеров; МА МГУ, № 98, 32, номера. Каинганги — МАЭ, № 2536, 53 номера; МА МГУ, № 97, 12 номеров. Шаванты (файя) — МАЭ, № 2546, 15 номеров; МА МГУ, № 95, 7 номеров. Гуарани (крупна каюа) — МАЭ, № 2537, 11 номеров. Гуарани (группа кааива) — МАЭ, № 2540, 83 номера; МА МГУ, № 99, 24 номера. Кадиувео — МАЭ, № 2546, 171 номер; МА МГУ, № 94, 147 номеров. Терено — МАЭ, № 2547, 11 номеров; МА МГУ, № 96, 3 номера. Арауканы — МАЭ, № 3442, 29 номеров и № 6497, 30 номеров, 38 предметов. Огнеземельцы — МАЭ, № 3440, 37 номеров. Индейцы Чако — чороти, матако, тоба — МАЭ, № 3441, 200 номеров. Намбиквара — МАЭ, № 2538, 17 номеров, 37 предметов (обменена Манизером на часть предметов ботокудов в Национальном музее в Рио-де-Жанейро. Собрана Рокетте Пинто в 1912 г. при проведении телеграфной линии из Мато-Гросо в Амазонас).

³⁹ Г. Г. Манизер, Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг., «Природа», Птр., 1917, май-июнь, стр. 652—653.

⁴⁰ Архив ИЭ, фонд Манизера, К-1, оп. 1, № 422.